

Илья Либман

ПРО МЕДВЕДЯ И ЕВРЕЕВ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

18+

Илья Либман

**Про медведя и евреев и другие
истории. Сборник повестей**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Либман И.

Про медведя и евреев и другие истории. Сборник повестей /
И. Либман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник состоит из четырех повестей. Первая - определенным образом объясняет родственные многовековые связи между кланом медведей и кланом евреев. Вторая - о нелегкой жизни хорошенькой и неглупой женщины за границей обычного. Третья - о счастливой старости русского пенсионера в сердце Бруклина. Четвертая - о посещении потусторонней силы отдаленного места Карелии с целью справедливости.

Содержание

Илья Либман.	5
Про медведя и евреев	6
Часть первая	6
Часть вторая	8
Лошадница и Хрюка	14
Глава первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Либман.

Про медведя и евреев и другие истории
Сборник малой прозы.

Про медведя и евреев

Часть первая

Один медведь, не такой еще старый, был изгнан крупной медведицей с малышами из малиновых посадок. Сезон малины к тому времени прошел, так что медведь не особенно боролся за утерянное право на территорию, а пошел себе странствовать в Катскильские горы.

Пару месяцев назад, во время сбора малины, он слышал от гостившей у них в посадках медведицы про те горы, что тамошние медведи живут настолько сытно, что зимой на спячку не ложатся, а бродят себе и гужутся на человеческих помойках.

Наш медведь никогда не бывал на стационарных человеческих помойках, потому что был не около городским жителем, а обитал на территории федерального парка. Однако, ему приходилось пару раз нападать на лагеря туристов, когда те сидели у костра и ели-пили.

Медведь подумал, если человеческие помойки хотя бы слегка похожи на обиталища туристов, то за этим стоит сходить. Так он и сделал: встал на задние лапы спиной к сучковатому дереву, чтобы почесаться на дорожку и заодно про навигировать в своем головном GPS дорогу на Север. Почесался он всласть и пошел.

Надо сказать, что медведи живут сами по себе не случайно. У большинства из них – скверный характер и высокое самомнение. С другими медведями им незачем дружбу водить да и пищей делиться ни с кем не надо. В лесу им одним совсем не скучно, потому что они не просто бродят, а все видят и примечают для себя – может когда-нибудь такое пригодиться.

А про еду в лесу они думают крайне редко. Едят они, конечно, много, но особенно не разбираются, если голодны, какой свежести съедобное или что на первое, а что на второе.

Наш медведь, как и все его родственники, мог унюхать съедобное на большом расстоянии, и то, что унюхивалось, проходило через его мозг в форме плоско-вкусовых образов, типа рекламы из журналов с запахами. Вместе с плоско-вкусовым образом протекала через мозг и другая полезная информация типа, расстояние до объекта, его скорость движения и состояние его здоровья, возраст и сила.

Медведю, конечно, вся эта информация построчно была ни к чему, но общий ее результат контролировал медвежьи лапы – в каком направлении им стоит топтать.

Пока одна часть его мозга занималась анализом запахов, другая часть занималась рассуждениями и соображениями. Как например, в тот раз медведь подумал, что раз уж он решил связать свою жизнь с человеческими помойками, то почему бы ему не узнать побольше и о самих людях. С точки зрения запахов люди были намного ниже по рангу, чем крупный и мелкий рогатый скот, а задрать кого-либо из спортивного интереса в лесу не принято.

Так шел он себе и размышлял, что неплохо бы было сойтись с людьми для изучения их повадок, а заодно разобраться, что это за помойки такие у них есть.

К этому моменту своих размышлений наш медведь вышел на пригорок и увидел внизу широкую блестящую тропу, по которой быстро проносились какие-то неизвестные ему животные. Тропа эта шла в северном направлении – как раз куда и ему было надо, но выходить прямо на нее он не стал из-за опасения столкновений с быстро пронесившимися. И пошел он себе рядом с блестящей тропой.

Погода была неплохая. Все еще теплое сентябрьское солнце светило ему в спину. К своему удивлению прямо рядом с тропой ему попадались совсем не лесные предметы не растительного характера, но пахло от них довольно аппетитно. Медведь подобрал полупустую коробку яркого цвета. В ней лежал недоеденный бургер и жаренная картошка в кетчупе. Что-то похожее он пробовал однажды, когда ворвался в лагерь к туристам.

Медведь доедал неожиданный бергер и ни о чем особенном не думал, когда с тропы донесся нарастающий звук чего-то большого. А вслед за звуком рядом с ним приземлилась банка с недопитым пивом. Надо сказать, что пиво ему понравилось еще больше, чем бергер, потому что банку можно потом было пожевать просто для интереса.

Тем временем медведь чувствовал, что за ним наблюдает много пар глаз, но опасности от наблюдений у него не было. Медведь задумался о человеческих помойках: может они уже начались и переться в Катскильские горы совсем необязательно. Но может быть это и не помойка, потому что еды здесь не так много, чтобы гужеваться, как в медведицининном рассказе.

Медведь брел вдоль тропы в северном направлении и слушал разговоры птиц. Это было не обычное кудахтанье или пение ни о чем конкретном, а обсуждение. И хотя птицы трезво-нили на разные голоса, но сообщения их были об одном предмете под названием «roadkill».

Медведь не знал, что это такое и никогда возможно и не узнал бы, если бы не увидел на блестящей тропе мертвого енота. Как мы говорили раньше, медведи очень много едят и заслуженно считаются всеядными. Всем жителям леса также известно, что мертвые еноты так просто не валяются, и наш медведь без промедления последовал к еноту. Ему еще издали было видно, что енот этот погиб не от болезней и не от когтей или зубов, а был совсем недавно молодым и здоровым.

И как раз в тот самый момент, когда медведь хотел подобрать эту меховую отбивную и уйти с ней в кусты, он опять услышал от сотен птиц неизвестное ему «roadkill» и увидел, что прямо на него несется по тропе неизвестное и большое на приличной скорости.

У медведей обычно отличная реакция на внешние раздражители. К тому же многие из них могут предвидеть неблагоприятное. И наш медведь не был исключением: с енотом в зубах он очень проворно для своего размера перекатился с дороги в кусты и оттуда увидел, как по дороге пронесся автобус полный людьми.

Но на этом его злключения не закончились: там, кустах, над ним низко на дереве сидело несколько птиц с агрессивно растопыренными крыльями и наперебой кричали, что это их «roadkill». Все сразу встало на свои места: быстро несущиеся убивают животных, которые переходят на другую сторону блестящей тропы, а хищные птицы этим питаются. Но поскольку большинство из птиц не так молоды и настоящие гурманы, то они не бросаются обжираться так сразу, а выжидают, чтобы мясо немного повялилось на солнышке и как следует отбилося другими быстро проносящимися.

Медведь понимал птичий язык, но отвечал на медвежьем: он качнул пару деревьев, так что те затрещали, и птицы разлетелись.

Меховую отбивную он есть не стал – уж слишком много с ней возни и так не сильно голоден он был.

Тем временем за кустами на тропе раздалось шипение. Это остановился автобус. Из него медленно выходили люди. Потом другие люди также медленно влезали в него, и автобус унесся дальше, на север.

Смутная идея посетила медведеву голову... *а что если и он поедет дальше на Север в автобусе – он бы мог сойти за пассажира, если бы имел бейсбольную шапку и твердо стоял на задних лапах. Сначала эта идея была очень смутной, но чем дальше шел медведь вдоль тропы, тем идея эта принимала все более конкретные формы, типа хорошо бы еще иметь рюкзак за спиной, газету и наушники на ушах.*

К тому времени на лес опустилась ночь. Медведь выбрал себе ложбину под большой сосной, откуда замечательно просматривался небосвод, улегся и начал ждать. Когда небо потемнело настолько, что на нем замерцали звезды, он нашел среди них созвездие Большой Медведицы, пересчитал все его звездочки и заснул.

Часть вторая

17-ти летний Янкель Берстайн любил свою работу. Теперь его голова была занята не только непонятными историями про жизнь доисторических еврейских племен, их хождениях по пустыням и битвах со скотоводами других племен за пастбища. Теперь он работал в ювелирном цеху вместе со всеми своими братьями и сестрами, тетками, дядьками и кузенами.

Его голова, не занятая никакими тривиальными познаниями, теперь была полностью посвящена названиям различных ювелирных номенклатур и местам, где они хранились. За несколько месяцев работы он запомнил абсолютно все и знал лучше любого компьютера, сколько и каких изделий или запасных частей к ним у них в цеху имелось.

Худосочный, с вечно шмыгающим носом, в засаленном сюртуке одного из старших в семье, он носился, как челнок между этажами и комнатками, подносил недостающие детали и уносил готовые изделия. У него даже не было времени присесть и выпить свое дневное молоко с ломтем вчерашнего штруделя.

Трое из его дядей и одна тетка смотрели на него с надеждой, что они выдадут замуж за такого работающего паренька одну из своих дочек. Дочкам было это сказано, и они поедали Янкеля глазами, когда бывала такая возможность, и слали ему эсэмски всякий раз, когда ходили в туалет по нужде.

У Янкеля не было времени быть с ними галантным кавалером, он просто измерял глазами видимые и невидимые прелести всех женщин, не исключая кандидаток, и не выделял никого особенно.

В 5 часов вечера большой автобус останавливался недалеко от их 47 улицы, и все спешили занять в нем удобные места. Автобус это был не обычный, рейсовый или экспресс, а чарторный. Его нанимали для своих работников хозяева 4 ювелирных компаний, и каждый день недели, кроме субботы, автобус привозил в Нью-Йорк и увозил из города –домой одну и ту же группу людей. Все они жили в одном маленьком городке за рекой, на севере от большого города. Иногда автобус запаздывал на несколько минут, и работники ювелирных бизнесов вынуждены были стоять в самом центре Нью-Йорка и ждать. Своим внешним видом они были похожи на театрализованное шествие, представляющее картину 19 века. Тысячи туристов, гостей города, проходя мимо, именно так о них и думали и пытались распознать среди предполагаемых актеров знаменитости.

Иногда в ожидании автобуса ювелиры курили сигареты. Туристы находили такое недоработкой в постановке, как несоответствие с исторической действительностью и недобро смеялись.

Ювелирам было все равно, где они находятся, как они выглядят, кто все эти люди вокруг и почему они смотрят на них с таким интересом. Не интересовали их ни сверкающие рекламы величиной в 20-ти этажные дома, ни одетые диснеевскими характерами ханыги, предлагающие туристам сфотографироваться с теми за деньги.

Все ювелиры были, как один аутистический организм в ожидании автобуса.

Если время ожидания переваливало за 2 минуты, ювелиры начинали не на шутку волноваться. Они делились на разнополые и возрастные группы и страстно обсуждали задержку транспорта. Речь их была, на удивление, артикулярной и легко доступной постороннему уху. Проходящие мимо туристы этому не удивлялись – у всех актеров должна быть отличная дикция и произношение, иначе как бы можно было их понять с галерки. Не удивляли туристов и темы горячих обсуждений: подумаешь, какой-то около революционный бред позапрошлого столетия.

Но слушали говорящего далеко не все. А если быть еще точнее, то не слушал его никто. Каждый, кто желал что-то сказать по теме или без нее, просто ждал своей очереди – 3 мгнове-

ний затянувшейся паузы оратора, чтобы произнести свое. Если пауза была прервана преждевременно, то два оратора говорили громко о разном, и между ними могла возникнуть склока.

Неистовые речи вели исключительно мужчины, а женщины стояли в стороне с отрешенными лицами и придерживали свои парики при сильных порывах ветра. Большинство из них, несмотря на юный возраст, отличались полнотой тела, неестественно белым цветом кожи и плоскостопием.

Хотя все ювелиры знали друг друга долгое время, но в разговоры никогда не вступали с работниками не своей компании.

Мужчинам нельзя было заводить разговора с женщинами, а женщинам с мужчинами, но можно было обсуждать противоположный пол между собой.

К счастью, у всех у них были телефоны самых последних моделей, и религия не запрещала ими пользоваться.

Когда, все-таки, их гигантский автобус медленно высовывал свое рыло из-за угла, весь этот еврейский ювелирный организм охватывала дрожь восторга. Глаза каждого из них светились явным огнем непоколебимой веры во всевышнего – ох не напрасно они молились последние 4 минуты за их счастливое возвращение домой. Ох, не напрасно.

Все улыбались вымученными улыбками, как чудом уцелевшие бойцы, оставшиеся невредимыми после кровавого побоища. В автобус, однако, никто не торопился – менее активные мужчины и женщины ждали, когда часть более активных мужчин обойдет автобус по крайней мере два раза, полупит своими игрушечного размера ботиночками по непробиваемым колесам и убедится, что ничего не отвалилось, в то время как другая часть активных мужчин с пристрастием ревнивых жен выкрикивают упреки водителю... где он шатался так долго.

В конце концов, ювелиры рассаживались, и начиналась обычная перекличка. Представители всех четырех компаний должны были убедиться, что их работники находятся в автобусе и готовы к отъезду домой.

Поскольку все четыре компании были равными плательщиками за наем автобуса, то все четыре представителя этих компаний одновременно, перекрикивая друг друга, называли имена и фамилии своих работников. Это напоминало что-то среднее между курятником и призывным пунктом израильской армии.

Перекличка имен необходима потому что в автобусе категории люкс установлены глубокие кресла с высокими спинками, из-за которых невозможно увидеть ювелиров, если они не подадут свой голос.

Снаружи, такой автобус всегда выглядит пустым, если никто из пассажиров откровенно не расплющивает свои губы об дымчатое стекло изнутри.

Перекличка заканчивается неожиданно и одновременно, как предштурмовая канонада.

В автобусе не хватает Янкеля Берстайна. Из-за высоких сидений, как из суфлерского окна на сцене, раздался убедительный шепот Любки-Дупки: «Я видела Янкеля рядом с двумя шиксами на углу. Они предлагали ему что-то, а он ковырял в носу...»

По договору автобус не мог отправляться в обратный путь, если хотя бы одного из пассажиров не было на борту.

Четыре семьи – владельцы ювелирных бизнесов знали по-соседски друг с другом на профессиональном уровне и откровенно не конкурировали, потому что вели производство и торговали разным. Еще их объединяли места жительства работников. Кроме того у них были фамилии с одним общим корнем: Бернштейн, Берлаго, Берландер и Медвед с ударением на первом слоге, но на это никто не обращал особого внимания.

Брать в наем автобус такого класса было делом совсем не дешевым: кроме контроля климата, он был оснащен двумя туалетами, скоростным интернетом и гигантским пространством для багажа, которое занимало весь первый этаж автобуса. Но далеко не забота о работниках была первоочередной задачей хозяев ювелирных компаний.

Им было важно любой «разумной» ценой не дать своим работникам пересекаться с другими ювелирами -профессионалами и иными личностями, которых много трется около драгоценных металлов и камней.

Но на этот раз все обошлось – Янкель молотил кулаком в закрытую автобусную дверь с отличной новостью, что он нашелся.

Его впустили в автобус, но хороших мест уже не было, и ему пришлось усестись рядом с Милтоном, 30-ти летним толстяком, рядом, с которым никто не хотел сидеть из-за его болезни ног. Милтон, несмотря на свой более, чем зрелый возраст, женат не был, но про женщин знал, по его же словам, много. Об этом он рассказывал всякий раз своим попутчикам по автобусу.

Милтон, кузен Янкеля, не был восходящей звездой бизнеса исключительно из-за болезни ног. Он был отличным ювелиром от А до Я, но его не могли выпустить в зал к покупателям.

Несколько пар сочувственных взглядов сошлись в силовой пучок на Янкелевой вихрастой голове, когда он устраивался на свое кресло. Милтон уже вовсю ворошил уебсайты, чтобы получить еще больше познаний про женщин: во все кресла автобуса были встроены мониторы, которые могли быть использованы, как телевизоры или для интернетных приключений.

Для всех, без исключения, пассажиров автобуса путешествие на работу и обратно домой было самым хорошим временем дня.

Девушки и женщины обычно смотрели какие-нибудь мыльные драмы, советы по домо-водству или писались/искались на популярном сайте singlejew.com.

Наиболее горячие из них заглядывали на сайты с фотографиями профессиональных французских регбистов, которые имели неплохие фигуры и фоткались парами исключительно голыми. Если фотографии попадали в цель, то горячеголовые тяжело дышали.

Женатые пожилые мужчины читали новости медицины, чтобы встретить во все оружие предстоящие возрастные заболевания, но понимали из прочитанного мало, зато успокаивались и засыпали под ровное шуршание колес.

Некоторые из женатых мужчин выходили на сайты, где торгуют драгоценными украшениями и откровенно занимались промышленным шпионажем: они фотографировали удачные дизайны, чтобы потом незначительно их видоизменить и представить для обсуждения в своей компании. Независимо от результата обсуждения им платили символические премиальные деньги за инициативу.

Мужчины играли в стрелялки, смотрели экономические новости, про мир животных и порно.

Самые отмороженные из молодежи и из неженатых брали таблетку и два волоска-проводка от часовой батарейки за щеку, одевали наушники и следили за точкой движения автобуса по GPS.

Милтон смотрел японский мультипликационный порно и грыз сухое печенье.

Янкель прочитал свои эсэмэски первый раз за целый день. В них не было ничего нового или значительного или того, что требовало незамедлительного ответа. Он подумал про Любку-Дупку – она буквально заваливала его сообщениями. Он с ней был одного возраста, и они знали друг друга всю их сознательную жизнь, потому что жили через дорогу. Правда, раньше ее звали просто Любкой, а Дупка прибавилось к ее имени, когда она достигла половой зрелости и расцвела формами тела. Никто толком не знал, что значит слово дупка. Его подвесил к Любке ее старый и выживший из ума дед, приплывший в штаты ребенком из Одессы в начале прошлого века. Все остальные думали, что ее второе имя, как у индейцев, говорит о замечательной физической или умственной способности человека, но на неизвестном языке.

Янкель побаивался Любки после случая во время бар мицвы ее младшего брата. Любка тогда тайком от взрослых напилась сладкого и крепкого Манишевича, затащила Янкеля к себе в комнату и стала раздеваться среди бела дня. Когда Янкель попытался ускользнуть из ее обнаженных объятий, она пригрозила ему, что закричит на весь дом и скажет, что он хотел ее изна-

силовать, и при этом добавила, что ее дяди и братья возьмут его на вилы, как мужики – казаки взяли медведя – насильника из фольклорной истории их детства. Случай с Любкой не травмировал Янкеля и не отбил у него интереса к женщинам, а даже наоборот.

Перечитав эсэмески, он переложил из куртки в сетчатый карман под экраном две коробки лекаха, которые купил в этнической лавке сладостей для своих младших сестры и брата во время ожидания автобуса. У них в семье все дети и взрослые любили орехи в мед и не ждали праздников. Коробки были завернуты в желтый лист, вырванный из телефонной книги.

Янкель не хотел играть в стрелялки или обсуждать японский мульт с Милтом.

Через проход от него сидел Кори. Все говорили, что у этого Кори уже есть большая проблема со здоровьем: кроме того, что родился и вырос натуральным альбиносом, теперь он еще находился под постоянным эффектом паров от микросварки.

Благодаря его природной близорукости, близкой к слепоте, ему в детстве сделали операцию на глаза. Такая операция стоила десятки тысяч, но превращала человека в живой микроскоп. Понятное дело, что средней еврейской семье такое бы было не по карману – за операцию заплатил ювелирный бизнес, который к тому же гарантировал Кори работу микро сварщика до конца его короткой жизни. Кори не пользовался воздухоочистительной системой во время работы из-за неудобства болтающихся шлангов – он просто вставлял себе в нос два фильтра от сигарет Lucky Strike и говорил, что ему это очень помогает – лучшие в мире фильтры смягчали пары серьезных кислот и не забивались мокротой из носа так быстро, как другие.

Берстайны из администрации только разводили руками, как в танце:... ну если помогает, так и пусть помогает... и покупали для него пару блоков сигарет в неделю. Кори на свое здоровье не жаловался, а работал, как и все другие – 6 дней в неделю.

В не сварочное время дня или ночи он носил темные очки из мало прозрачной платс-массы, которые выдавались врачами легально слепым людям. Вот и сейчас он сидел, развалившись, с полуоткрытым ртом, но вовсе не спал, а следил под музыку в наушниках за точкой автобуса на экране GPS.

Янкель тронул Кори за плечо и получил от него таблетку с батарейкой на проводах.

Хотя Кори и Янкель не были друзьями, но иногда между ними возникали разговоры.

Кори совсем не пользовался компьютерами, а много читал про все подряд в журналах 50-ти летней давности. Про таблетки с батарейкой он вычитал в журнале Popular Science за 1966 год.

Такие таблетки официально использовались для устранения наростов и мозолей, были предназначены только для наружного употребления и продавались без рецепта в любой аптеке. Батарейки к ним не прилагались и покупались отдельно.

Дорога обещала быть долгой, потому что автобус все еще не выбрался из Манхаттана, но за это никто из пассажиров не переживал.

Янкель слушал Бенсенхерст Блуз, бруклинского исполнителя с большим потенциалом сорвать остатки своего голоса уже к следующему альбому. Музыка завораживала Янкеля драматичностью пауз в ностальгической истории про утерянную родину, которая была под другой звездой. Кори рассказывал, что исполнитель был когда-то евреем, но потом поменял религию на блюз и что его музыка импонирует евреям потому, что в ней много тоски и арамейских (древне-еврейских) слов.

Когда композиция закончилась, Янкель опять тронул Кори за плечо и начал с ним разговор про песню. Как полноценному альбиносу и положено, Кори неважно слышал окружающий мир, но это не мешало его радости общения с единомышленниками. Чтобы не отвлекать от занятий остальных пассажиров автобуса, Кори и Янкель перегнули свои тела через подлокотники сидений на середину прохода и нашептывали друг другу прямо в уши комплименты Бенсенхерст блюзу. Так продолжалось некоторое время, пока Кори не углядел коробки с лакехом в сетчатом мешке. Ему захотелось сладкого, и он попросил Янкеля продать ему одну коро-

бочку. Янкель подумал про себя, что не будет большого горя, если брату и сестре достанется одна коробочка сладости на двоих и достал упаковку. Пока Янкель разбирался, какую из коробочек лучше открыть, Кори, как страстный любитель печати, бесконтрольно стал читать обертку – желтую страницу из телефонной книги. Страница была на букву Б и просто кишела медвежьими фамилиями. Одних только Берманов было с треть листа, не говоря уже о других Берляевых и Беркиндов.

Тем временем коробочка с легах была открыта, и они угостились первыми ромбиками.

Кори вытянул за провода таблетку изо рта, чтобы не мешать две мидии и сказал: «Медведи, евреи и мед – эти три понятия связаны друг с другом нерушимыми узами. Мы, евреи, очень любим мед с незапамятных времен и исторически используем его в нашей пище. Медведи, с другой стороны, тоже любят мед и именно поэтому их народность зовут медведями, сокращенно от ведущих мед. Таким образом именно мед может быть соединяющим нас звеном. Вполне возможно, что народность медведей одно из утерянных еврейских племен, которое развивалось по иным законам.»

Янкель успевал за логикой Кори и не видел в ней никаких противоречий. Даже наоборот он находил косвенные подтверждения типа, если католики и протестанты считают, что человекообразные обезьяны – их дальние родственники, то почему медведи не могли случиться родственниками евреев. Но всего этого он не сказал вслух Кори, а только промолвил: «Я никогда не слышал, чтобы медведь задрал еврея, зато о том, как он хотел любиться с еврейской женщиной существует легенда. Добровольно это не каждому по плечу. И маленькую девочку Мириам он не съел, а просто забрал у нее медовые коврижки.»

Оба замолчали и потянулись за следующей порцией сладости. Как в подтверждение сказанного и услышанного, они обратили теперь внимание и на коробку с легах. На ней была изображена молодая женщина, кормящая чем-то медвежонок. Кори, должно быть, не поверил своим глазам за пластмассовыми очками и задрал их на лоб, как это принято у сварщиков: на коробке по-прежнему был медвежонок и женщина.

От глубины потрясения их разговор зашел в тупик, потому что теоретически линия горизонта была достигнута.

Янкель подумал, что жить с медведями совсем необязательно, если они менее развиты, но помогать им они должны, если евреи с ними одного племени.

Как раз в этот момент Кори, который молчал вовсе не потому, что ему не было что сказать, выдохнул, что медведи в не меньшей степени евреи, чем марокканцы или жители страны Йемен. Янкель ничего не знал об этом, но все равно кивнул в знак согласия.

Оба молодых ювелира себя чувствовали очень хорошо от состоявшейся продуктивной беседы, и только неудобство зависания над проходом в течение долгого времени слегка омрачало их дорогу. Разумеется, свободных мест в автобусе не прибавилось, потому из него никто не выходил, но Янкель все равно крутил головой в поисках и надежде.

На самом заднем ряду никто не сидел, как обычно. Сидеть там было как-то не принято.

Задние сидения не имели подлокотников и предназначены были для лежачих поневоле пассажиров – больных или пьяных. Так Янкель и Кори переместились на заднее сидение.

Теперь, находясь в непосредственной близости, их беседа возобновилась с новой силой. Они вспомнили все случаи дружбы между людьми и медведями, включая бродячих цыган с медведями на цепях, медвежьи цирки, в которых звери ходили по канату, ездили на велосипедах и курили. Кори заметил, медведи умеют делать многое, но делают это неохотно и постоянно огрызаются, как евреи и танцуют тоже, как евреи, довольно неуклюже.

К тому времени автобус выбрался за городскую черту и мчался по извилистому шоссе среди вечно зеленых холомагоров. Уже значительно стемнело. Погода была безоблачной, и в небе загорались первые звезды.

Любка Дупка была очень расстроенной: Янкель не ответил ни на одно из ее телефонных посланий, и теперь еще вместо того, чтобы пересечь к ней во время темноты, устроился на заднем сидении с этим отмороженным Кори. Такие мысли пронизывали оба Любкиных виска в то время, когда на экране бесстрашные африканские пигмеи раскрашивали себя цветной глиной, приготавливаясь к празднику удачной охоты.

Надо заметить, что несмотря на крайнюю религиозность, никто из ювелиров не доставал своих карманных молитвенников и не обращался к всевышнему.

Когда разговор про медведей между Янкелем и Кори подошел к логическому концу, они оба единодушно согласились, что чучела медведей с подносами в руках есть еще одна из форм проявления антисемитизма.

Вдруг что-то случилось с автобусом – его кинуло сначала вправо, а потом влево. Но с дороги он не съехал, а остановился по-аварийному: коротко и рывками.

Водитель был бледным и матерился на непонятном ювелирам языке.

Отворились двери, и многие направились к ним, чтобы оценить поломку своими глазами. Оказалось, что лопнуло переднее колесо. Оно было разорвано в клочья, но причина поломки гордо свисала из резиновых лохмотьев. Это были рога горного козла, вмонтированные в полированный бронзовый обелиск. Не обелиске была гравировка с датой и местом добычи рогов.

Все сразу поняли, что обелиск упал не с неба, а из окна какой-нибудь машины и облегченно вздохнули.

Пока водитель доставал и устанавливал запасное колесо, пассажиры разбрелись вдоль шоссе. Теперь многие из них держали молитвенники в руках и шевели губами на ходу.

Янкель и Кори, однако, пошли в лес. Они стояли спинами, чтобы не смущать друг друга, писали и удивлялись пару от своих струй, когда поняли, что они больше не одни. В двух шагах от них под деревом сидел медведь. К чести всех троих, надо сказать, что никто из них не запаниковал или проявил агрессию.

Только медведь двигал своим носом и даже не задира л губ.

Кори и Янкель продолжали писать дольше принятого непонятно чем. В конце концов, медведь подошел к ним и ткнулся мордой Янкелю в рукав куртки. Потом он высунул здоровенный сиреневый язык и стал слизывать прилипшие крошки меда с рукава.

Кори принял это за положительный знак со стороны медведя и немедленно застегнул ширинку. Через пару минут они медленно, все вместе, двинулись к автобусу.

Колесо уже было установлено на место, но ювелиры все еще не верили своим глазам и лупили по нему ногами. Водитель сел в кабину, включил фары и дал три звуковых сигнала предвещающие скорое отправление.

Кори и Янкель не могли ускорить шаг или побежать к автобусу, потому что боялись, что медведь их неправильно поймет, и поэтому все трое шли в развалку, как три медведя.

К задней двери автобуса они поспели последними, когда внутри салона свет уже был выключен. Они не спеша поднялись по ступеням и сразу расселись на заднем сидении.

Автобус тронулся.

Медведь ехал в компании евреев к благодатным человеческим помойкам.

Лошадница и Хрюка

Глава первая

Знакомая Лошадница потеряла работу на фабрике.

Им, на фабрике, вдруг надоели ее переводы на языки народов мира.

Они ей так и сказали, что ее переводы не несут ничего нового и похожи друг на друга, как китайские репатрианты или сообщения состояния на дорогах в часы пик. Сказали, что такое даже и переводить не стоит, потому что это скорее перевод времени, денег и бумаги.

Она не могла на этот счет аргументировать, потому что в душе сама была согласна с ними уже долгие месяцы.

Первое время безработицы Лошадница только спала с перерывами на перекур, после которого она шла спать дальше. Так продолжалось несколько дней, пока, проснувшись однажды, она не ощутила хорошо забытого чувства голода.

Естественно, что в ее жилище не было ничего такого, что можно было бы взять в рот, не волнуясь о последствиях. Было, конечно, несколько консервных банок без этикеток с метками неудачных попыток вскрытия. Она примерялась к ним и раньше. Чтобы выбросить. Но искушение узнать, что в них, не давало ей этого сделать.

В тот день ей не хотелось неизвестной баночной пищи, а хотелось живой и горячей и в людном месте. Потому что кроме голода по пище ей хотелось увидеть и живых людей тоже. Ведь спала-то она в одиночестве.

Под полуденным холодным дождиком она просеменила в итальянский ресторанчик под певучим названием Великий Карусо.

Однако войти в него безостановочно ей не удалось. Дело было в том, что как раз на пороге ресторана стоял сам синьор Карусо, и он был велик. Для дверей. Рядом с ним невозможно было пройти. Можно было только протиснуться.

В другой раз Лошадница семенила бы себе дальше, потому как знала эту скверную манеру знакомства с женщинами у средиземноморских мужчин, но чувство голода явно побеждало, и она начала протискиваться. Где-то на середине пути ее милая сердцам многих грудь уперлась в Карусо, который, явно, пользовался своим центровым положением и пока не собирался поджиматься.

Лошадница замерла и экономно вдыхала запахи свежей сдобы, мускатного ореха и ванильного ликера.

Сам Карусо пахивал свежим Халстоном, что гармонировало с его смуглой кожей и открытым до самой макушки лбом.

То ли от контакта его талии с ее грудью, то ли от возбуждающего давления ее тонкого коблука на мизинец его левой ноги, но уголки рта синьора Карусо поползли вверх.

В конце концов они, как говорится, разминулись, но при этом оба оказались внутри ресторана. Не успела Лошадница отряхнуть сахарную пудру с любимой сердцам многих груди, как к ней подлетел мэтр. Было понятно издалека, что он не случайно занимал такую позицию в ресторане – он явно соответствовал ей и по росту. Был он невысоким, но гостеприимным до чрезвычайности со своей гигантско-белозубой улыбкой поперек загорелого лица.

Мэтр учтиво склонился перед Лошадницей и спросил, для скольких человек ей хотелось бы занять столик. Лошадница сразу оценила его каталонское чувство юмора и спросила его в ответ: «Какой сегодня день недели?»

– Сегодня четверг, после полудни. Как видите, мы совсем не заняты, так что вы можете выбрать любое место.

– Пожалуй я сяду вон там в проходе, между туалетом и дверью на кухню. Из того угла отличный обзор всего заведения, и вашим официантам с подносами не надо будет таскаться через весь зал.

Синьор Карусо слышал весь диалог и подумал, что именно дождливая погода по четвергам приносит таких странных клиентов в его место. Однако, вида он не подал, а сделал какой-то служебно-собачий знак мэтру, чтобы тот исчез. Он сам проводил Лошадницу к выбранному ею месту.

На ножке столика из узорной блестящими заклепками кобуры пистолета торчало меню. Синьор Карусо заправски выхватил его и расстелил перед Лошадницей.

Она сразу определила, что меню всего лишь предлог, чтобы начать разговор о многом другом. Карусо смотрел на нее в ожидании вопросов. Дело было в том, что в меню названия большинства блюд были жирно перечеркнуты, а нетронутыми были только две строки, написанные восточными символами.

– Принесите мне пожалуйста супа с сухариками для начала. Я не ела несколько дней, и кажется, что во мне все слиплось до девственного состояния.

Брови синьора Карусо поползли вверх, а щеки его запылали. Он ожидал вопросов.

– Скажите, любезнейший, вы держите при заведении кур-несушек?

– Сеньорита может не сомневаться. Выпеченные изделия, например, блинчики по-генуэзски требуют утренней свежести не овулированных яиц. А где достать такие с гарантией? Вот и приходится иметь свои яйца.

– Мы не могли бы посетить насесты, чтобы я выбрала себе парочку смуглых яичек для испанского омлета?

Лошадница, зная мужчин Средиземноморья, предчувствовала ответ Карусо, который бы мог звучать как ...все яйца этого заведения в вашей власти или... если не найдем яиц в насесте, то у нас всегда есть запас в другом месте. Она мысленно хлопнула себя по затылку за раздвоение личности и смену полов. Эта скверная привычка навещала ее довольно часто при тривиальных обстоятельствах знакомств с мужчинами. Ах как же давно она не знакомилась с мужчинами. Меньше нужно спать, и тогда ничего не надо будет наверстывать.

Видно, синьор Карусо ответил ей что-то и теперь ждал действий от нее. Лошадница, как невоспитанный ребенок, со скрипом отодвинулась от стола на стуле и сказала: «Ведите.»

Карусо сделал театральный жест рукой, который мог означать многое в оперном искусстве, но при этом не запел.

Они проследовали через кухню и какие-то двойные сетчатые двери в полутемное помещение.

– Однажды волк мечтал попасть в овчарню, а попал на псарню...

– Сеньорита знакома с мудростью Эзопа?

– Знакома, знакома – сказала Лошадница эхо подобно и вдруг задумалась о пекаре Карусо и о Эзопе: как же они-то случились знакомцами. Но виду не подала, а стала смотреть по сторонам в поиске правильных пеструшек. Их было несколько с сонными глазами. Карусо сделал предупреждающий знак рукой и замер сам. Через несколько секунд две курицы поднялись с насеста и спланировали на пол, оставив после себя замазанные пометом яйца.

Лошадница посмотрела на свои часы и сделала умственную заметку: «В пяти минутах от моего дома курицы-пеструшки несутся свежими яйцами, а я про это ничего не знала.»

Синьор Карусо согнал третью сонную курицу с ее места и вытащил еще одно яйцо.

Пока он аккуратно вытирал яйца живописным клочком соломы, Лошадница посмотрела на него внимательней, чем это принято. В голове ее медленно поползли пустые строчки анкеты, которые заполнялись на ходу:

Пол -вроде мужской,

Возраст -средний, арифметический,

рост – большой,
вес – вроде подходящий,
профессия – есть,
знание языков – понятливый,
особые черты – уголки рта, вежливый.

Она поймала себя на том, что опять пропустила начало Карусовой речи. Впрочем, это было не так важно: он говорил что-то про специи, которые должны быть обязательными ингредиентами в испанском омлете.

По дороге через кухню Карусо вручил все три яйца повару с не заженной сигаретой в губах и конфиденциально изложил ему прямо в ухо, что готовить и как.

Вернувшись за свой столик, Лошадница была приятно удивлена маленькой медной кастрюлькой под крышкой и торчавшим из нее малоразмерным половником. На дне ее пустой тарелки орнаментом лежали какие-то травки со стебельками и кусочки мясного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.